

Гу Чжиянь застыл на месте, а в голове у него снова и снова повторялись слова Лу Цина.

Ему казалось, что от злости он ослышался. Иначе с чего бы ему почудилось, будто Цинцин хочет его поцеловать?

Прохладные кончики пальцев Лу Цина скользнули по совершенно окаменевшему от удивления лицу Гу Чжияня. Он поддразнил его:

— На таком лице так и хочется оставить поцелуй.

Гу Чжиянь понемногу пришёл в себя. Его и правда слишком сильно потрясло, и он поспешно усадил Лу Цина на стоявший рядом каменный столбик.

Боль в желудке у Лу Цина уже заметно утихла, и у него снова появилось настроение поддразнить этого большого дурака.

Гу Чжиянь так нервничал, что не знал, как заговорить. В этот момент от прежнего красноречивого отличника не осталось и следа: напротив, он превратился в идиота, который двух слов связать не мог. Он мямлил целую вечность и в итоге не выдавил из себя даже пшика.

Лу Цин, держась за живот, хохотал так, что сгибался пополам.

— Такое чувство, будто я наложил на тебя заклинание оцепенения. Почему молчишь?

Гу Чжиянь всерьёз боялся, что тот от смеха свалится, и поспешно поддержал его за талию, изо всех сил изображая спокойствие.

— Осторожнее.

Лу Цин положил обе руки ему на плечи и, не отрывая горящего взгляда от его лица, нарочно спросил, будто ничего не понимает:

— Хочешь меня поцеловать?

Гу Чжиянь машинально сглотнул. Его взгляд откровенно упал на чуть побледневшие губы Лу Цина.

Он до безумия хотел наклониться и поцеловать их.

Но разве можно?

Он ведь напугает Лу Цина. Тот наверняка отвергнет такую наглость, а может, даже испугается и сбежит от него.

Гу Чжиянь всё это время подавлял свои настоящие чувства. Лишь бы оставаться рядом с Лу Цином — пусть даже просто обычным другом, — он был готов всю жизнь прятать свои несбыточные желания.

Он хотел только одного — быть рядом с ним!

Но что сейчас сказал ему Лу Цин?

Он спрашивал, хочет ли Гу Чжиянь его поцеловать?

Счастье словно ударило Гу Чжияня по голове, и он ещё долго не мог вымолвить ни звука.

Лу Цин придвинулся ближе.

— У меня лицо тоже нежное и гладкое, прямо как тот пудинг, который ты готовишь. Хочешь попробовать?

Гу Чжиянь был на грани. Он всё сильнее сжимал его руки и не моргая смотрел на маленького искусителя, который изо всех сил его околдовывал. Неужели тот не понимает, насколько это опасно?

Лу Цин чувствовал боль в руках, но не остановил его. Уголки его губ поднялись, в глазах плясал смех.

— Гу Чжиянь, я согласен.

Гу Чжиянь окончательно запутался. На что он согласен?

Лу Цин покраснел, опустил голову и пальцем зацепил ткань у него на груди.

— Мы можем попробовать.

До этого Гу Чжиянь пребывал в полном ступоре, но после этой фразы мгновенно очнулся.

Он неверяще распахнул глаза.

— Цинцин...

Лу Цин со скоростью молнии чмокнул его в щёку.

Гу Чжиянь словно громом поразило. О каком ответе могла идти речь — он даже разучился нормально дышать и только судорожно хватал ртом воздух.

Лу Цин всерьёз испугался, что тот от возбуждения упадёт в обморок, и поспешно похлопал его по бешено вздымающейся груди.

— Ты сначала успокойся. Не нервничай, я не издеваюсь над тобой.

Гу Чжиянь деревянно сжал его руку и несколько раз подряд переспросил:

— Что ты сказал? На что ты согласился? Что ты хочешь попробовать со мной? Ты меня поцеловал?

Лу Цин рассмеялся и закивал так часто, будто клевал зёрна.

— Да. Я согласился. Я хочу, чтобы мы были не только друзьями. И я сам тебя поцеловал. Поцеловал это твоё до неприличия красивое лицо.

Гу Чжиянь словно обезумел от радости и подхватил его на руки.

— Цинцин, на самом деле это не ты пил, а я напился, да?

От тряски у Лу Цина закружилась голова. Он схватился за неё и торопливо сказал:

— Меня сейчас вырвет.

Гу Чжиянь тут же перестал двигаться и в панике усадил его обратно на каменный столбик.

— Прости, я от радости голову потерял. Ещё кружится? Может, съездим в больницу?

Лу Цин взял его руку и положил себе на живот.

— Помассируй.

Гу Чжиянь не сводил с него глаз, пытаясь найти на его лице доказательство того, что всё это не сон.

Он боялся. Боялся, что в конце концов всё окажется лишь прекрасным сновидением.

Когда первоначальное возбуждение прошло, Лу Цин снова сник и жалобно надулся.

— А ты только что ещё и накричал на меня.

— Прости, я виноват, — тут же извинился Гу Чжиянь, готовый хоть три дня и три ночи стоять на коленях, лишь бы искупить вину.

Лу Цин не собирался так легко его отпускать.

— Я ведь приехал именно потому, что хотел тебя увидеть, а ты холодно на меня рявкнул.

Гу Чжиянь уже хотел сам себе отвесить пару пощёчин.

— Я просто слишком резко заговорил. Цинцин, может, простишь меня в первый раз?

Лу Цин великодушно кивнул.

— Когда твой сериал выйдет, хочу, чтобы первый автограф ты дал мне.

— Хорошо. Подпишусь только для тебя, — пообещал Гу Чжиянь.

— Нет, так нельзя. Я верю, что Гу Чжиянь обязательно станет очень знаменитым. У него будет много-много поклонников, которые будут его поддерживать и следовать за ним. Я не могу забрать его себе одного.

— Хорошо. Автограф Гу Чжияня может достаться очень многим людям, но сам Гу Чжиянь может принадлежать только Лу Цину. От волос до кончиков пальцев на ногах — весь целиком только ему.

Лу Цин поднял руку и потрепал Гу Чжияня по волосам, не удержавшись от улыбки.

— Тогда впредь хорошенько береги себя. Теперь ты с головы до ног моя личная собственность. Если хоть чуточку пострадаешь, я разозлюсь.

— А Цинцин тоже может хорошенько о себе заботиться? Ты с головы до ног тоже моя личная собственность. Когда тебе больно, у меня сердце разрывается.

Лу Цин прыснул со смеху.

— Мне больно — тебе больно, тебе больно — мне больно. Мы что, внутренняя система циркуляции боли?

Даже Гу Чжиянь почувствовал, что сказал что-то слишком детское. Наверное, перечитал этих мыльных сценариев и теперь даже в голове всплывали реплики, над которыми так и тянуло поиздеваться.

— Гу Чжиянь — яркая жемчужина. Где бы он ни оказался, везде будет сиять. Я хочу, чтобы он взмыл вверх и стал самой свободной птицей, расправил крылья и летел высоко, не скованный мирскими условностями. Чтобы был пылким, уверенным в себе и бесстрашным!

Он по праву заслуживает признания и любви всего мира.

Он должен стать звездой в небе, а не пылинкой на земле.

Гу Чжиянь крепко прижал его к себе, устроил его голову у себя на груди, чтобы Лу Цин отчётливо слышал его сильное, звонкое сердцебиение.

— Хорошо. Я буду из всех сил подниматься выше, чтобы Цинцин увидел самого ослепительного Гу Чжияня, чтобы гордился им, чтобы мог им похвастаться и никогда не пожалел о шаге, который сделал сегодня.

<http://bllate.org/book/21886/2324231>